

Алексей Притуляк

Санаторий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29611345

SelfPub; 2018

Аннотация

Из этого санатория не сбежишь. Если даже сумеешь уйти за колючую проволоку, и караульный тебя не заметит, то как проберёшься ты через Гадские топи и Тухлую падь? А ведь впереди тебя ещё ждёт Промзона. И вернуться назад уже невозможно. Нет, из этого санатория не сбежишь. Из него одна дорога – в другую жизнь. Но твоя это жизнь или нет, да и жизнь это или смерть – никто не знает.

Содержание

1	4
2	6
3	11
4	17
5	21
6	25
7	28
8	31
9	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

1

Козлоборода расстреляли утром, в дождь, при попытке к бегству. Караульный на вышке заметил и полоснул пулемётной очередью по сутулой спине – как плетью хлестнул. Козлобород повис на колючке корявым вопросительным знаком, и кровь его расцвечивала грязь в тона порченного мяса. Отдыхающие, толпясь у контрольной полосы, бросали ожидающие взгляды на административный корпус, на третий этаж, где едва угадывались за тёмным окном тяжёлые синие портьеры – тщились разглядеть (скорее – угадать) в провале кабинета лик Самого. Но Сам то ли игнорировал происшествие, то ли обозревал его последствия из самой глубины помещения, незримый, неведомый, непреходящий, как небытие.

Явились двое из хозкорпуса, в драных робах, с грязной скрипучей тачкой, сдёрнули Козлоборода с колючки, бросили на тележку и укатили в кочегарку, которой в очередной раз посчастливилось стать на время крематорием.

– Вот уж от кого не ожидал... – просипел Тошнот.

– Да он давно с катушек съехал, – сказал Дылда. И, чуть помедлив, добавил: – Без дозы, оно известное дело.

Иона промолчал. Козлобород был хороший мужик и на хмари вовсе не сидел. Но вступать в пререкания не хотелось, а тем более с Дылдой, с этим психом.

«Прощевай, братка», – мысленно прошептал Иона, провожая глазами тачку, на которой жалобно крючился вопрошительный знак неживого Козлобородова тела. И голос Козлоборода отвечал ему тихим шёпотом: «Жизнь – трамвай без права пересадки, остановок нет, идём экспрессом. Не менжуйся, дорогой товарищ, как-нибудь допилим до конечной. Только помни, что бы ни случилось, что бы там ни вышло по дороге: как и прежде, лучшим контролёром остаётся совесть пассажира». Прощевай.

От столовки мокрый ветер вместе с дождевой пылью принёс запах молочной рисовой каши и кофе с молоком. Кофе – это хорошо. Кофе – это как раз то, что необходимо больному организму в такое вот дождливо-сопливо-кровавое утро.

Тачка с Козлобородом завернула за угол кочегарки, и бедага тут же был забыт. Нет, не забыт, конечно, но событие его смерти на время уступило едва ли не главному событию жизни, её эликсиру, экстракту, сути – завтраку. Отдыхающие, вымешивая обутками вязкое, сочное тесто грязи и приглушённо гомоня, потянулись к приземистому иззелена-белому зданию столовки, чьи подслеповатые окна призывно подмигивали им белизной мятущихся на сквозняке занавесок.

2

Козлобородова попытка побега не принесла ничего хорошего ни ему самому, ни остальным. Режим снова был ужесточён – ну так разумеется, а чего же ещё было ждать. Уже к обеду вывесили свежий приказ Самого: в связи с участвовавшими случаями делинквентного поведения отдыхающих, выход на территорию санатория осуществляется только в сопровождении трёх ответственных лиц из числа медперсонала; коллективные игры, такие как футбол, баскетбол, волейбол, лапта перемещаются со спорткомплекса на малую внутреннюю площадку (это с асфальтовым-то покрытием!); комендантский час переносится с 22:00 на 21:00.

Жалость к бесталанной Козлобородовой судьбе незаметно, но быстро сменилась на «Чёрт бы его побрал, дурака шального!»

В полдень созвали экстренное собрание, и главврач – основной глашатай Самого, – с подслеповатой суровостью глядя сквозь толстые линзы очков, долго и прочувствованно рассказывал о том, как не жалея сил медперсонал борется за здоровье отдыхающих и привычно не ждёт никаких проявлений благодарности, но закономерно ожидает хотя бы такой элементарной вещи, как соблюдение режима, внутреннего распорядка и требований администрации.

– Да крыша у него поехала от хмари, – пробубнил Дылда

свою заунывную версию.

– Это у тебя она поехала давно уже, – долетел от женской половины звонкий голос Дрофы, вечной Козлобородовой заступницы и, как говорили, полюбовницы. Наверняка сейчас уже многие прикидывали, кому теперь отойдёт Дрофа. Женщин в санатории катастрофически не хватало, и случались за них непримиримые кровавые битвы. На чём угодно могут договориться мужики, с чем угодно примириться, пока дело не коснётся бабы.

Главный постучал карандашом по графину, пресекая готовую вспыхнуть словесную баталию. Псих Дылда всегда заводился с пол-оборота, и плевать ему было, кто перед ним – грудастая волоокая Дрофа, хиляк и плакса Слюнтяй, авторитетный Ездра или косая сажень в плечах Виннету, который мог бы сломать Дылду одним неловким движением. В общем, псих. Иона так и звал его про себя и всегда удивлялся, почему этого невысокого в общем-то, флегматичного на вид, с желтушного цвета кожей сморчка зовут Дылдой, когда сам бог велел звать его Психом или на худой конец Пиявкой. Впрочем, Пиявка уже имелась – в женском корпусе. Ну так и что, вот была бы пара!

Пока после главного выступал зам с организационными вопросами, Иона отключился. Он снаружи дремал, а внутри думал о Козлобороде.

Какой чёрт дёрнул его на бессмысленный рывок? Ведь накануне Иона с ним разговаривал, и ни словом ни пол-словом

не обмолвился Козлобород о своих намерениях. Да и были ли намерения? А то, может, правда – крыша поехала? Внезапный импульс. Непонятный толчок... Козлобород, конечно, был мужик серьёзный, задумчивый, тихий, поэт, на импульсы как-то не очень падкий, но ведь известно же: как раз в тихом-то омуте черти и водятся.

И всё же – нет, нет, не верится.

А может, прав Дылда: обдолбался Козлобород втихую хмарью? Захотелось забыться, улететь хоть на час от этой золотушной осени на пустынном астероиде санаторского бытия – голом и лысом астероиде, несущемся сквозь бесконечную тьму и дождь по направлению к «все там будем».

Обдолбался, говоришь? А если и так, но с одним нюансом – против воли обдолбался? Могло такое быть?

Могло теоретически. А практически – кому и зачем это было бы надо?

Накатила привычная изжога – бессмысленная и беспощадная, как реклама средства против изжоги. Забурлила, задымилась, поднимаясь к самому горлу; волнами пошла бессильная отрыжка. Печально-задумчивое лицо Козлоборода заколыхалось, подёрнулось рябью, как чёрный кисель брошенного пруда под нахлынувшим дождём, растворилось в дымном мареве изжоги.

Под заунывное бормотание зама Иона думал теперь о другом. Он думал: из ночи в ночь снится мне этот сон. Трамвай, едущий без остановок по странному городу, по безжизнен-

ной промзоне, до конечной. Профессор, Клещ, Юдифь, ещё какие-то люди. Слепые голуби. Издыхающая собака. Печь.

И почему не оставляет ощущение, что это было со мной на самом деле? Было? Когда? Где? В каком из миров? Какую часть своей неприметной жизни я то ли заспал, то ли забыл, то ли и не помнил никогда?

И снова выплыли откуда-то из галактической тьмы подсознания навязчивые строки чужих недопонятых стихов:

...

Рождённый ползать, ползу на брюхе
туда, где души, как стены глухи,
где пыль и ветер по переулкам,
и тусклый сумрак в пространстве гулком.
Там всё напрасно и всё – навеки,
и нет людей там – лишь человеки.
Там слепы мысли, и птицы слепы,
и крылья ржавы, и ржавы скрепы...

Проклятая изжога...

Говорят, побеги случались и раньше. Но успешного, вроде, не было ни одного. А может, и были, но администрации выгодней, чтобы никто их не помнил. Как бы то ни было, ни одного упоминания об успешном подрыве санаторский эпос не сохранил. Да и бессмыслица это полная, побег – всем известно. Ну сдёрнешь ты за колючку, ну, положим, даже случится такое чудо, что пройдёшь ты пустошь, что не увидит

тебя и не срежет очередью пулемётчик на вышке, что пронесёт тебя в Гадских топях, что не задохнёшься в Тухлой пади и не сгинешь в прожорливых колхозных полях, ну, и дальше что? А дальше, человек, начинается промзона. И это тебе уже не пустошь. Там полудохлые собаки, там слепые голуби размером с коршуна, но страшней злободоймов на триста, там живые цеха... А чего ты лыбишься? Живые цеха – это не фигура речи, это реальность нашего времени. Про техноплазму слышал?.. То-то и оно. Представь себе: печи, прокатные станы, химфарм, марганцевый, цеха переработки, ползучие провода и кабели – под напряжением, конечно – и всё это живое, всё работает, шевелится, пыхтит, дышит, гудит и скрежещет. И ни души кругом. Пойдёшь ты туда? Конечно, пойдёшь, всё равно больше деваться некуда: либо туда, либо обратно. Вот там тебе и каюк. И хорошо, если в прокатный стан затянет или кабель подползёт, не заметишь – смерть будет не лёгкой, но хотя бы скорой. А представь, если на химфарм забредёшь? А если голуби, собаки? Вот где помучаешься и смерть примешь медленную и страшную.

Так что успешный побег – это понятие растяжимое и неопределённое до крайности. Назови это успешным стартом, оно будет верней, хотя это как посмотреть опять же, ибо что такое успех старта без успешного финиша – гитика, и всё.

3

Палаты в санатории были разного размера, были и одиночки и парные и на троих-четверых. Если тройки, четвёрки и парные ещё как-то пользовались спросом, то одиночки не признавал никто. А самой густонаселённой всегда была палата на десять койкомест, в которой проживал весь цвет мужской части санатория.

После наступления комендантского часа все, кто жаждал общения, собирались в «десятке», подтягивались сюда из «камер» малой населённости, бывало даже и обслуга, что поменьше, заглядывала на огонёк. Курили, обсуждали дневные новости, мерились диагнозами, играли в карты и в нарды, пели под гитару. После отбоя, когда гасили свет, начиналось самое интересное – душевные разговоры за жизнь.

В тот вечер было как-то особенно тихо. Песен не пели, не стучали зары, не шлёпали о стол карты – только дымили кто чем да разговаривали вполголоса.

Сначала говорили о Козлобороде. Говорили с сожалением, потому что мужик был хотя и сам по себе, и себе на уме, но – уважаемый. Все санаторские песни вышли из-под его пера, все самые злые хохмы про санаторскую жизнь отскочили от его зубов и все самые дохожие бабы сохли по нему.

С Козлобородовой смерти сам по себе разговор свернул на санаторскую жизнь, на администрацию и Самого. А ко-

гда разговор заходил про Самого, тут он попадал в такое поле неопределённости, что даже авторитет велемудрого Ездры или дотошного Клопомора не всегда был решающим доводом.

«Сам» был директором санатория. Никто никогда его не видел, но все знали, что он есть, не могло его не быть, поскольку раз есть санаторий, значит должен быть у него и директор. Ну вот как представить себе корабль без капитана? Роту солдат без командира? Королевство без короля? Бабу без...

В общем, у санатория был директор, это определённо. Но на этом определённость и заканчивалась, а дальше начиналась сплошная неразбериха.

Вот, например, возьмём хотя бы то, что если человека никто никогда не видел, то есть он или нет? Если его нет, то откуда на стене информации приказ о новом комендантском часе за его подписью? А если есть он, то... ну да, именно: почему никто и никогда его не видел? Впрочем, если верить слухам, то были такие, кому довелось повидать светлый лик Самого, но почему-то к повидавшим причисляли только тех, кого давно уже не было в живых, а значит, и спросу с них никакого.

– Говорят, это Гуркало, – сказал кто-то. – Был такой профессор известный, гениальный хирург. Он когда на пенсию вышел, когда глаза и руки уже отказывать начали и скальпель с пилой стал путать, его, вроде, сюда директором отправили.

Ну а чего: место тёплое, особых умственных напряжений не требуется, и опять же свежее мясо всегда под рукой, если захочется тряхнуть стариной и покопаться в кишках.

– Псих он, – уверенно сказал Тощий. – Пусть он хоть трижды профессор будет и гений, всё равно – псих.

– Или наоборот, – возразил Чомба, – это мы тут все психи.

– Мы-то – само собой, – ввернул Дылда. – Достаточно на тебя посмотреть, чтобы не сомневаться.

– Только психу придёт в голову, – продолжал Тощий, – устроить из санатория такую республику. Но Сам – не Гуркало, про того я слышал, тот, вроде, даже до кипеша не дожил. Не поручусь, конечно, потому как самолично его не соборовал и не отпевал.

С дальней кровати, из тёмного угла, пробубнили избитую истину:

– Никто не знает, кто он. Сам да и Сам, и всё тут. Его никто и не видал сроду.

– Да видели его, – вступил Антипод. – Видели. Початок видел, и Котофеич тоже. Из второго заезда.

– Эка ты, – покачал головой Ездра. – Из второго заезда. А ты-то откуда знаешь, Антиподушка? Ты их до евоного кабинета провожал? А? Провожал? Не-ет. Может, в камине у Самого сидел, пока они там толковали? Сидел? Не-ет. А значит, слова твои – самое что ни на есть пустое балаболство. И спросить не у кого – иных уж нет, а те далече. Где теперь Котофеич? А? Знаешь?

– Ну знаю, – нахмурился Антипод.

– «Ну знаю», – очень удачно, с издевательской бубнявой интонацией передразнил Ездра. – Про Початка я уж и не поминаю: хоть и не к ночи дело, а таки ну его.

– А камина у него нет, – прокашлял Тошнот. – Нет у него никакого камина. Враки это всё.

– Откуда знаешь? – прищурился Ездра.

– Термидор говорил. Он там в ремонте участвовал.

Ездра рассмеялся.

– Кому говорил Термидор? – презрительно спросил он, просмеявшись. – А? Кому? Тебе лично?

– Нет, – потупился Тошнот.

– Конечно, нет, – кивнул Ездра. – А кому он говорил? А?

– Кому-нибудь, – пожал плечами Тошнот.

– «Кому-нибудь», – снова очень удачно и ещё более бубняво передразнил Ездра. – Тьфу на вас, зелень!

Ездра был старожилом и хранителем преданий, ему было позволительно и плюнуть. Кому-нибудь другому не спустили бы и надавали по губёшкам, чтобы не плевался, а вот на Ездрино «тьфу» Тошнот только улыбнулся жалкой ползучей улыбкой и снова пожал плечами, дескать: ну брякнул, да, признаю. Хотя уж Тошнота-то зеленью назвать было никак нельзя.

– Я тебе, друг ситный, больше скажу, – продолжал Ездра, раскуривая отсыревший бычок (сразу завоняло костром, на который писает гурьба мужиков). – Не было никакого Тер-

мидора. Не было. Миф он, евангелие, эпос – Манас, Калевала и Олонхо в одном флаконе. Прожевал? Можешь проглотить.

– Говорят, был, – возразил кто-то из тьмы палаты, кто-то из не спящих и прислушивавшихся к разговору.

– Говорят, курей доят, – отмахнулся Ездра. – Мы тож доить пошли, да титек не нашли. Ты если не брехло пустопорожнее, так покажись – выйди вот сюда, встань передо мной, как лист перед травой, и доложи коллективу ясно и чётко: мол, я, такой-то и такой-то, удостоверяю, что самолично видал Термидора, говорил с ним, курил с ним одну цибарку и сиживал на соседнем очке. А?

Ездра прислушался на минуту, словно ожидал, что вот сейчас заскрипит кровать, прошлёпают по полу босые ступни, и явится пред взором его незримый спорщик. Нет, конечно же, Ездра этого не ожидал – так только, позировал для вящей убедительности и собственной важности. Он совершенно отчётливо знал, что никто не выйдет и не скажет.

– То-то и оно, – кивнул он, переждав эту томительную паузу. – Не было никакого Термидора.

– Но с другой-то стороны, – неожиданно вступил Молчун. – С другой-то стороны, Ездра, откуда тебе знать про камин? Ну, ладно, Термидор – Калевала, положим так. А ты сам кто? Тебя ведь тоже в кабинете у Самого ни разу не было. Так может, и ты этот, как его, Олонхо?

– Не было, – усмехнулся Ездра. – Это ты в точку попал,

Молчун, прямо в пупочку, в самый, это, анус истины пальцем забрался. Может, я и Олонхо, твоя правда. Да только я, в отличие от многих прочих, Молчун, и от тебя в отличие – видел План. Термидора бог не привёл видеть, а вот План – видал.

На этом всегда погружающем палату в почтительное молчание напоминании снаружи заиграли пятую прелюдию Рахманинова. Шепелявый, гундосый и неверный, подрагивающий граммофонный звук падал из громкоговорителя на столбе и разносился над погружённым во мрак дождливой безлунной ночи санаторием. Прелюдия вплеталась в шорох дождя, проникала в рыхлые древние стены корпусов, стелилась над грязью, взлетала и уносилась в небо вслед за дымком из трубы кочегарки, который нынче так сладко пах жареным мясом...

А наутро выпал снег.

Мелкие крупинки его мешались с грязью, тут же таяли, но снег был так напорист, что в конце концов столбы, на которые натянута была колючка, напялили белые шапки, побелели и мусорные баки, и крыши, и старая жёлтая развалюха-молоковоз, застывший на приколе возле продкорпуса. Всё было белым.

И только земля оставалась чёрной.

4

Кундри перехватила Иону следующим утром, после завтрака. Они сталкивались раньше, и даже говорили пару раз, и однажды у них даже чуть не дошло до этого самого, но Иона вовремя вспомнил тогда, что за Кундри ухлёстывал Андроид, а сама она, как и многие другие бабы, страдала по Козлобороду. Андроида Иона уважал, поэтому в последний момент увильнул, только прошёл по самому краю греха. Кундри не обиделась. Не принято было в санатории обижаться – не то, дескать, нынче время и место не то, а на обиженных, как известно, воду возят, и помирают они раньше – так и помирают обиженными. Кому какая от этого польза?

– Правду говорят, что Козлобород под хмарью подорвался? – спросила она, отозвав Иону в сторонку в столовском фойе.

– Дылда, мать его, психа! – выругался Иона. – Да нет, конечно. Ну, я думаю, что нет, не могло такого быть, не из тех был Козлобород.

– А веришь, что он ни с того ни с сего взял и на подрыв пошёл?

– Почему спрашиваешь? – нахмурился Иона.

– Потому что неправду чую, – нехорошо усмехнулась Кундри. – Бабская интуиция, говорят, убойная штука.

– Ну и чего ты хочешь? Правды? Её не знает никто.

– Правды не бывает, – усмехнулась Кундри, а чёрные глаза её не улыбались – из них лезла наружу ледяная стужа. – Чего хочу, не знаю. Знаю, чего не хочу.

– Ну, и чего?

– Остаться здесь не хочу. И отсюда можно уйти, – сказала она. – Если хочешь пойти со мной, скажу как.

– Нет, Кундри, – покачал головой Иона, – нет, уйти отсюда нельзя. Да и зачем? Что делать *там*? Вот ты от чего лечишься?

– По женски.

– По женски... – повторил Иона. – Ну и кто тебя там будет лечить? Промзона если только – она от всех болезней лечит, но лечение у неё... да что я буду рассказывать, сама знаешь.

– Ага, знаю. Только враньё это всё. Нет никакой промзоны. В смысле, промзона есть, но ничего такого в ней нет – ни живых проводов, ни душегубок, ни голубей...

– Есть, – возразил Иона. – Голуби точно есть, я сам видел. Они слепые. Но им глаза и не нужны.

– Видел, и – живой?

– Это долгая история. Это было ещё до всего.

Кундри пожала плечами. Видно было, что она не верит, и ни в чём слова Ионы её не убедили.

– Почему ты *ко мне* подошла? – задал Иона вопрос, который с самого начала разговора вертелся у него на языке. – Почему не к Андроиду или Чомбе, например?

– Ты был другом Козлоборода. Однажды он сказал мне:

если тебе нужен будет помощник в любом деле, бери Иону. Так что ты мне завещан, Иона.

– Завещание из меня... не очень.

– Ладно, не прибедняйся. Или на комплимент нарываешь-ся? Козлобород тоже знал, что отсюда можно уйти, и знал как. Поэтому я никогда не поверю, что он так тупо пошёл на колючку.

– Уверена?

Губы Кундри перекосила пренебрежительная ухмылка.

– Языком трёкать в привычках не имею, – сказала она.

Заметив пристальное внимание к ним санитаров, Кундри потянула Иону за рукав, вывела на улицу, отвела за угол.

– Что-то намечается, – сказала она.

– Что? – недоверчиво спросил Иона.

– Откуда я знаю. Но белые суетятся слишком, что-то готовят. Сдёргивать надо отсюда. Я бы одна пошла, но одной в промзоне не выжить. Пойдёшь?

За угол завернул санитар. Резко остановился от неожиданности, увидев их. Кундри соображала быстро – прежде чем санитар поймал их в фокус своего взгляда, она уже припала, присосалась к Иониным губам.

Санитар усмехнулся, покачал головой, повернул обратно.

Кундри не торопилась оторваться от Ионы, язык её, живчик, блуждал в его рту, скользил по губам, по зубам. Иона не сопротивлялся, старательно отвечал на поцелуй, но нигде ничего в нём не дрогнуло. Не его была женщина Кундри.

Наконец она оторвалась от него, перевела дыхание, развязно улыбнулась.

– Хоть бы пощупал, – произнесла с весёлым укором.

Иона улыбнулся.

– Ладно, не жмись, – продолжала она. – Ну так что, пойдёшь со мной?

– Нет, – сказал Иона. – Боюсь я тебя.

5

Восстание началось как-то само собой, без плана, без предводителя, без лозунгов, но – с кровью. А как же иначе, какое восстание без крови и зачем оно тогда?

Кровь брали когда администрация чуяла недоброе, когда ощущалось какое-нибудь брожение в умах. Тогда объявлялся всеобщий день Донора, отдыхающих загоняли в терапевтический корпус и выкачивали по два стакана кровушки, а у тех, что поздоровей – у Молчуна, Виннету, Сто-Метров-Кролем и у Дефлоратора – брали по три. Конечно, никакого шоколада, горячего чая и спиртяги не полагалось. Обескровленные отдыхающие с саванно-бледными лицами ползли в корпуса и падали на кровати, стонали, блевали и матерились. Администрация вздыхала свободно. Никто не знал, кому и зачем надобилось столько крови, подозревали, конечно, что дело тут нечисто, ворчали, но до протеста не доходило – всё-таки, донорство дело святое. Да и какой протест без поллитры крови?

Вот до этого дня, до восстания, никто ничего точно не знал, а теперь всё узналось, благодаря Пузу, который по какой-то надобности крутился на дворе за хозблоком и видел, как санитары выливали на землю кровушку – вот так брали и выливали из какого-то грязного корыта животворную жидкость.

Пузу не поверили и наладили целую делегацию из тех, что легче всех перенесли день Донора – проверить. Бледные делегаты собрались, поползли кое-как. Вернулись с докладом, что да, несколько литров крови вылито во дворе терапии – стоит кровушка лужами, загустевает, и уже лакали из той лужи два местных кобеля.

Но даже и тут ещё сомневались: ну, мало ли, неизвестно же, что там за кровь. Может, старая, некондиционная, с истекшим, эт само, сроком годности. А может, свинью резали на хозблоке (хотя непонятно тогда, почему свинячьи кровя выносят из терапии, в день-то Донора как раз). Ну не хочется человеку верить в худшее, такая уж натура.

Но мало-помалу свели концы с концами и поняли, что надо действовать. О восстании, конечно, речи ещё не шло. Для начала взяли языка – Молчун ходил в отделение и притащил за шиворот мелкого санитарчика, испуганного не на шутку и слегка помятого в процессе пленения. Язык подтвердил, что да, забранная кровь никак не используется, потому что во-первых нездоровая она, а во-вторых, санаторий не больница и тут условий подходящих нет для её хранения и переработки – ну не колбасу же кровяную варить, в самом-то деле. Зачем в таком случае производят забор крови у отдыхающих, этого санитар пояснить не смог, но предположил правильно: для того, видать, чтобы не было поползновений к бунту. Так значит, этсамо, администрация бунта боится? – был вопрос. Боится, отвечал санитарчик, ещё как боится.

Особенно в эти дни. А что с этими днями не так? – спросили его. Ну как же, сказал медработник, из-за Козлоборода этого вашего, которого порешили. Мало ли чего, вдруг контингент вздумает учинить беспорядки. Администрация и санитаров уже под ружьё поставила. Это как же? – спросили. – В каком таком смысле? Да в самом прямом, огорошил санитарчик: вооружили всех свободных от дежурства и держат в полной боевой готовности. А чем вооружили-то, шприцами да клизмами, что ли? – улыбнулись над незадачливым языком. Зачем же клизмами, – ухмыльнулся и он. В санатории полно оружия посолидней: винтари есть, и «калаши» и чего посерьёзней найдётся. Это откуда же столько всего? – настожились отдыхающие – уж больно натурально держался санитарик, обычно не врут с таким видом. Пулемёт на вышке – это да, это известное дело, но чтобы вот так... А всё оттуда же, – сказал боец шприца и ваты. – Со складов. Раньше тут был военно-полевой госпиталь и часть стояла воинская. А у части был, как полагается, арсенал. Ну, и где же вся эта музыка хранится? – поинтересовались у языка. В подвале, под админкорпусом. Но вам туда не попасть, даже и не думайте. Там постоянная охрана и дверь кодовая.

Тут начали вспоминать предыдущие дни Донора и пытались увязать их с перипетиями санаторской жизни. И да, выходило так, что эти кровавые дни устраивались в периоды особой психологической напряжённости среди отдыхающих, вызванной теми или иными событиями – побегом, как нын-

че, ужесточением режима, наказаниями, очередным снижением качества питания. И про склады и воинскую часть что-то смутно вспомнилось – да, было что-то такое, ходили слухи.

Вот тут и зародился бунт – по старой русской традиции совершенно бессмысленный и столь же беспощадный.

6

Как-то само собой случилось, что во главе повстанцев оказался Ездра. В командование вошли также Харя-Кришна, Сто-Метров-Кролем и Клопомор – мужики бывалые, тёртые калачи, суровые и несговорчивые, все бывшие вояки.

Весь личный состав разбили на четыре взвода. Командование приняли на себя всё те же Харя-Кришна, Клопомор и Сто-Метров-Кролем. Четвёртый взвод доверили Дефлоратору, а Ездра, естественно, принял на себя верховное командование.

Прежде всего надо было вооружить личный состав созданной армии, потому что заточки, арматура и палки, оплетённые колючкой – это, конечно, хорошо, но хорошо для рукопашной, которая, как известно, есть последний аргумент пехотинца. Чтобы добыть что-нибудь посерьёзней, следовало в первую голову снять часового с вышки, тем самым за получив для начала пулемёт и одновременно обезопасив себя от огня на поражение. Задача не из простых, тем более – среди бела дня, когда с вышки просматривается вся территория от края до края.

На вышке дежурили по-очереди два вэвэшника, разжалованные из рядов за превышение служебных полномочий. Чомба рассказывал, что видел как-то, случайно, рожу одного из них – и это была, по его словам, рожа прирождённого

убийцы, даже глаза которого не отражают света – настолько они бездушны и мертвы. А уж Чомба-то к поэзии склонен никогда не был, а тем более не был трусом, у которого глаза велики, так что словам его приходилось верить. Второго стрелка не видел никто и никогда, и даже сомневались, что этот второй существовал на самом деле, что он не такой же полу-миф, как Сам.

Проблему караульного вызвался решить Виннету. Этот бугай, в плосконосом смуглом лице которого действительно было что-то индейское, с любым холодным оружием обращался так, что апачи и сиу топтались за углом, нервно раскуривая трубку мира. Виннету вооружился своим томагавком – кухонным разделочным топориком, когда-то давно украденным из хозблока, прихватил с собою Чомбу и Тошнота, и все трое ушли в дождь.

Достоинством вышки было её расположение – на взгорке, взятом в загородку из всё той же колючки, в которой оставалась небольшая калитка для входа-выхода караульных. Просто так подойти к ней было нельзя и любая попытка проникнуть за ограждение уже могла рассматриваться как акт агрессии со стороны отдыхающих. К недостаткам вышки относились самодельность (собрали её кое-как санитары под руководством кардиолога – бывшего плотника) и небольшая высота. Вот малая высота и сыграла роковую для караульного роль. Когда Чомба и Тошнот, старательно изображая из себя пьяных, в обнимку, горланя какую-то похабщину, про-

куролесили пустырь и прислонились к колючке с противоположной от входа в загон стороны, часовой быстро перенёс внимание и своё и пулемёта на них. Тогда-то Виннету и метнулся крадучись к калитке. Брошенный его рукой томагавк врубился караульному в затылок. Через минуту Виннету уже карабкался по лестнице на вышку. Ещё через минуту вся прилегающая территория находилась под контролем повстанцев.

Возможно, белые прохлопали бы начало переворота и всё прошло бы с меньшей кровью, если бы Виннету, опьянённый лёгкой победой, не дал длинную очередь по административному корпусу.

Индеец, что с него взять, дикий человек.

В корпусах поднялся переполох. Наши, услышав пальбу, высыпали на пустырь, увидели сигнализирующих Чомбу и Тошнота, увидели Виннету на вышке, который орал что-то по-индейски и, не жалея патронов, поливал администрацию свинцом.

– Отставить огонь! – закричал Харя-Кришна. – Беречь патроны, индейскую твою мать!

С той стороны, наверное, не сразу согласились поверить, что началась война. Может, подумали сначала, что караульный с ума сошёл от вечной тоски и одиночества на вышке. Метались меж корпусами белые халаты, кричали что-то, незнамо зачем затарахтел администраторский уазик и рванул к продмедскладу, приютившемуся на отшибе – видать, боялись белохалатники за запасы спирта и перловки.

Потом послышался первый выстрел. Видно было, как пуля выковыряла из стенки вышки толстую щепку. Виннету присел, огрызнулся короткой очередью и стал быстро спускаться. И вовремя, потому что откуда-то из-за административного блока вдруг жахнул гранатомёт, и вышка превратилась в огрызок. Виннету, хоть и оглушённый, с обалдением и азартом, написанных на смуглой роже, успел прыгнуть на землю, подбежал к Ездру, потряхивая добытым пулемётом, но сказать в запале ничего не мог, только забористо материл-

ся.

– Дурак ты, паря, – холодно сказал Езра. – Приказ открывать огонь был? Правильно, не было. А какого же лешего, ирод ты кочерыжечный?

Но разобраться было некогда. Поднятая огнём Виннету суета мало-помалу схлынула, переходя в торопливые военные приготовления.

– Надо пробиваться к оружию, – сказал Харя-Кришна. – В подвал, про который говорил санитарик.

– Давай, – кивнул главнокомандующий.

Харя-Кришна выхватил у Виннету пулемёт, быстро поверил боезапас, досадливо покачал головой. Потом бегом повёл свой взвод в обход админкорпуса. Вооружённые кто чем, отдыхающие шли на явную смерть – один пулемёт с едва ли половиной боезапаса мало оставлял шансов восстанию.

Но боевая опытность Харя-Кришны, отчаяние недавних доноров и внезапность сделали своё дело. Дверь в подвал оказалась не закрытой. Спустились вниз. Ошарашенный санитарик, выполнявший роль часового у входа, был слегка контужен и обезоружен. Теперь у повстанцев был ещё и карабин о пяти патронах.

Охрана оружейного склада состояла, вопреки словам пленного, всего из двух человек – видать, не успели белохалатники привести свой гарнизон к готовности номер раз. Один из охранников – тучный санитар затрапезно-хохлятского вида – дрых на кушетке, храпя издыхающим боровом.

Другой со смурным видом покуривал. Единственную сложность представляла собою решётка, отгородившая подступы к оружейке. Но после того как Харя-Кришна велел Слюнтяю пальнуть из доставшегося ему карабина, санитар и откинул засов и отдал ключи от оружейки. У санитаров были при себе два «калаша» с непристёгнутыми даже магазинами. Вот такая война.

8

Взводу пришлось вступить в боестолкновение сразу по выходе из подвала. Целая толпа санитаров направлялась сюда за пополнением боекомплекта. Несколько человек сопровождения были вооружены и немедленно открыли огонь. Был убит на месте Скоморох, а Китаёзе оторвало два пальца, но слава богу, на левой руке.

Гранатами вынудили санитаров отступить за хозкорпус, сильно проредив их ряды, и стали петлять между женских корпусов, отходя к своим. Бабы орала, визжали, высовывались в окна, бросали бойцам всё, что могло сойти за оружие, но по бабской привычке больше споспешествовали переполоху и суете, нежели делу.

Каждый из наших нёс по две-три, а то и четыре единицы вооружения. Тащили ящики с патронами. Огрызаясь на ходу огнём, уже в последний момент увидели, что другая группа белых халатов брошена им наперерез. Если бы не Харя-Кришна, увязли бы в бою и вряд ли добрались бы до своих, но талант бывалого вояки выручил: взвод разбился на две группы. Одна повесила на себя всю тяжесть амуниции и по возможности быстро продолжила бросок к своим позициям, другая прикрывала огнём столь яростным и деловитым, что посланная на перехват группа не выдержала и отступила.

Когда дошли до своих, были встречены радостными воп-

лями. Оказалось, что от трёх взводов тут оставалась едва ли половина личного состава: безоружные повстанцы выдержали атаку до зубов вооружённых лекарей под командованием ЛОРа. Отбивались всем, что, будучи брошенным, могло так или иначе травмировать. Отбились. Но не стало многих незаурядных бойцов вроде Штыря, Алаверды, Пончика, Колченога...

Бойцы быстро разобрали оружие и выдвинулись на позиции. Старая, уже года два незарытая траншея теплотрассы вполне сошла за окоп.

Видели, как противник занимает позиции. Вооружены белые были хорошо, но и наши теперь тоже не из рогаток готовились стрелять, да и численный перевес пока ещё оставался на нашей стороне, несмотря ни на что.

Заняли позиции, изготовились и притихли, поглядывая друг на друга. Потом затянувшуюся непонятную паузу прервали труженики клистира и карболки – выкинули импровизированный белый флаг из куска марли, вздетого на жердь. Помаячили этой тряпкой, потом вылезли из окопа три до зубов вооружённых санитаря, самым видом своим позорящих высокое звание человека в белом халате. Это была охрана парламентаря, на роль которого назначен был рентгенолог – лысый толстун и коротышка, еврейчик бог знает в каком поколении.

Со стороны отдыхающих выступил под охраной Дылды, Пуза и Тошнота сам Ездра, как ни сопротивлялся этому

штаб, говоря, что не дело главнокомандующему так подставляться.

Сошлись на нейтральной полосе, под чутким вниманием стволов и оптических прицелов с обеих сторон.

– Я буду краток, – сказал рентгенолог после торопливого рукопожатия. – Руководство санатория требует прекратить нарушение общественного порядка на территории вверенного ему лечебного учреждения. Вам предлагается добровольно сдать оружие и вернуться в корпуса. Гибель сотрудника, обеспечивающего охрану санатория, администрация спишет на трагическую случайность, благо родных у него нет.

– Интересно девки пляшут, Рафаилыч, – усмехнулся Ездра, словно не замечая, как рентгенолога передёрнуло от подобного панибратства, – интересно ты излагаешь, но как-то, это, не в строчку. А гибель Козлоборода вы на куда спишете, ась?

– Кого? – рентгенолог так натурально сыграл неведение, что Ездра бы ему обязательно поверил, если бы своими глазами не видел труп убиенного товарища. – О чём вы говорите, Ездра?

– Ага, – кивнул Ездра, словно другого ответа и не ожидал. – А свежееубитых осмнадцать человек по какому, это, списку у вас пойдут, ирод ты кочерыжечный? А кровушку нашу тоже спишете? Сколько же литров вы из нас выкачали за всё время, упыри!

– Послушайте, Ездра, – запыхтел рентгенолог краснея и

выдавая дипломатическую несостоятельность свою, — я не уполномочен отвечать на ваши вопросы. И переговоры с вами по полной форме вести я тоже не уполномочен. Видите ли, мне поручено лишь передать вам требование администрации. Я как бы передал, моё дело маленькое. Я не знаю ни про какого Козлоборода, и о каких человеках вы тут толкуете, я тоже не знаю и ничего не могу вам прокомментировать. Если вы уяснили наши требования, то, пожалуй, на этом мы и разойдёмся. Я не дипломат и не военный, я, видите ли, рентгенолог, врач в третьем поколении, а потому...

— Где Сам? — в упор спросил Ездра, не слушая.

— Кто? — снова не понял еврейчик.

— Сам где, я спрашиваю? — повторил Ездра. — Почему Сам не пришёл с нами, это, потолковать? Ты, Рафаилыч, так и передай своему, это, командованию: говорить мы будем только с Самим, а на рентгенологов и прочих проктологов нам время тратить несподручно. И в ответ на ваши требования мы двигаем свои. Первое: вы возвращаете оружие в оружейку и отправляетесь по своим рабочим местам. Второе: вы не препятствуете никому из наших бойцов, коли желающие найдутся, покинуть территорию заповедника, в смысле санатория. И третье: вы открываете женские корпуса и не препятствуете всем желающим из числа баб присоединиться к мужской части населения либо же двинуть за территорию. Вот так-то, Рафаилыч.

Рентгенолог отёр выступивший на лбу пот, пожевал гу-

бами, косясь на собеседника. Улыбнулся бледной и жалкой улыбкой. Нет, не дипломат, конечно, и не вояка ни разу. Еврей в третьем поколении.

– Вы же неглупый человек, Ездра, – мягко и устало-вежливо заговорил Исаак Рафаилович, – вы должны понимать, что без надлежащего лечения отдыхающие скоро не только утратят боеспособность, но некоторые могут утратить и облик человеческий и даже жизнь брэнную. Я уполномочен администрацией, несмотря на сложившееся положение, обещать всем больным продолжение назначенного лечения. Мы готовы принять на своих позициях всех, кто намерен не прерывать курса лечения; в обычное время их будут ждать инъекции и пероральные лекарственные средства, а также все назначенные процедуры и обычный уход. Тем же, кто почему-либо опасается, мы готовы передать всё необходимое для самостоятельного приёма лечения или прислать санитаров.

– Ага, ага, – усмехнулся Ездра. – Вы передадите, конечно. И что станется с тем, кто проглотит переданное? Ась? Ты, Рафаилыч, вместе с администрацией своей за дураков нас держите? Чтобы мы, это, из рук врага принимали лечение? Нет, дорогой ты мой человек, тут я тебе прямо хочу указать на постигшее вас роковое заблуждение. Отныне и пока в руках ваших вместо кружки Эсмарха мы зрим автомат Калашникова, ни один наш боец не станет иметь с вами дела и говорить на другом языке, кроме как язык автоматных очередей, так и передай. И пока мы не увидим Самого, вот здесь

же, где ты сейчас потеешь, хотя на улице и дубак, – должно, со страху, – никакого разговору у нас не получится. На этом хочу сказать тебе адью, мусью Рафаилыч и, как говорится, шолом тебе в алейхем.

И сказав так, Ездра с достоинством повернулся и двинулся к своим позициям. Дылда и Пузо остались стоять, зыркая на охрану вражеского переговорщика и стояли, пока Ездра не удалился шагов на двадцать, и рентгенолог не повернулся к ним сутулой спиной – уходить.

А через полчаса, как дошло до администрации всё сказанное Ездрой, как обдумали, видать, результаты переговоров, так и началось.

Бой был позиционный. Пойти в атаку белые не решились. По всем правилам провели артподготовку, забросав позиции отдыхающих гранатами из подствольников и пару раз ударив из миномёта, который на третьем разе разорвался, покалечив двух обслуживающих его санитаров и убив третьего, стоявшего аж метрах в десяти. Техника была старая, положенного обслуживания сроду не проводилось – отсюда и результат. В общем, артподготовку провели, но в атаку пойти так и не собрались. Что ни говори, а эскулап – не солдат, ходить в штыковую – не его спецификация, как прокомментировал Ездра, вселяя в бойцов бодрость.

Лежали и перестреливались, но перестреливались от души, без лени. Особенно же санитары не жалели боезапаса, поскольку арсенал оставался под их контролем. Попытка одного взвода наших пробиться к нему успехом не увенчалась.

Главным же средством борьбы на текущем этапе медперсонал счёл даже не подавляющий огонь на поражение, а идеологическую, пропагандистскую борьбу.

– Иона, сволочь такая! – кричал в мегафон главный врач. – Если у тебя язва прободает, я тебя своими руками удавлю, ты понял?

Молчун дал на голос короткую очередь.

– А ты, Антипод, – не унимался главный. – Ты в курсе, что

будет с тобой после пропуска двух доз? В курсе? Выблюешь печень свою, но даже и собаки не станут жрать её, ибо гниль смрадная и черви.

– А я её тебе в пасть затолкаю, ты – сожрёшь, – пробормотал Антипод, вылавливая в прицел белый халат, что мелькал за мусорными баками. Хлёстко ударил выстрел. Белый халат нелепо вздрыгнул ногами и повалился в ближайшую лужу.

– Чукча охотник, – довольно произнёс Антипод, – белка стрелять, глаз попадать.

И тут же дёрнул головой, словно в порыве нахлынувшей скромности напрочь отказываясь от своих слов. Прыснули от его головы в сторону какие-то мелкие красные насекомые, испуганные мошки-блошки, осели на землю, наприклад снайперки, на лапищу лежащего рядом Молчуна. Молчун проводил сосредоточенным взглядом тело Антипода, что тяжёлым кулём повалилось на дно окопа, равнодушно отёр покрасневшую руку о штаны.

– Аккурат в лоб поцеловала, – констатировал Ездра. – Аккурат в третий глаз, в глаз, это, Шивы.

Нервно загоготал Дылда. Слюнтяй было подхватил сухой, как каракумский песок смех Дылды, разбавил его своим водянистым и по-бабски визгливым хохотком, но быстро сник под тяжёлым взглядом Молчуна.

Бой разворачивался не на шутку. Начавшись малой кровью и почти с мальчишеским задором, он, как в любой гражданской войне, постепенно приобретал характер остервене-

лый, затяжной, когда уже любой крови не кажется слишком много, а отдельные лица противника, которые ещё вчера были хорошо тебе знакомы и узнавались не без приятности, утрачивают человеческие черты и всякую индивидуальность, превращаясь в смазанное и безликое белесое пятно, глядя на которое ты знаешь и понимаешь только одно – это враг.

– Ездра, – надрывался мегафон голосом главного, – слышь, Ездра, ты там у них за главного? Ну так поторопись, родимый, начинай потихоньку сдавать полномочия – тебе жить осталось на раз пёрнуть. Попрощайся с личным составом, завернись в простынь и ползи в сторону отвала. Тапки белые не забудь.

– Складно чешет, – проворчал Дефлоратор, выискивая в прицел орущего главврача. – Где эта гнида прячется, не пойму.

– Нам бы артиллерию, – пожалел Тощий. – Хоть на пару-тройку бы снарядов. Хватило бы накрыть этого пентюха.

– А ты, Молчун, – переключился главный на следующего пациента. Молчун, услышав свой позывной, вздрогнул и матюкнулся сквозь зубы. – Ты-то знаешь ведь, что с тобой станет, а? Знаешь, Молчун, конечно, ты ведь один раз пропустил дозу. Слышь, Ездра, если Молчун останется без дозы, вам там всем мало не покажется. Умоетесь кровью.

– О чём он толкует? – оживился Слюнтяй, с опаской поглядывая на Молчуна. – Слышь, Молчун, о чём это он, а?

– Да почём я знаю, чего этот ушлый балаболит, – нехотя отозвался Молчун. – С панталыку сбивает, должно.

– Ты, Молчун, лучше честно скажи, чего нам от тебя ждать? – вступился и Тошнот.

– Прекращайте, – сурово оборвал Ездра. – Что, не понимаете, что враг пытается внести в наши ряды смуту, деморализовать, это, и ослабить дух? За Молчуна я лично ручаюсь. А если что, так я же его и кончу, как поручитель, прямо, это, в лобешник ему налажу, – и Ездра качнул стволом «калаша».

– Слюнтяй, – с ласковым смешком позвал главный. – Слюнтяйчик, у тебя там как сердчишко, ещё не заходитесь? Нет? Ну, ничего, ты подожди ещё часок-другой. Через часик к тебе Кондратий придёт. Ездра, вы этому хлюпику хотя бы курить не давайте, а то ведь он и Кондратия не дождётся без инъекции-то.

Главный, кажется, выдохся, замолчал ненадолго. Зато трескотня выстрелов усилилась, приобретая всё большее остервенение. Потом и выстрелы стихли. Время подкрадывалось к полднику. Обед уже провоевали. Белые, наверное, небольшими партиями покидали позиции, чтобы добежать до столовки, выпить полагающийся кефир с булочкой.

На осинах за складами вдруг заволокло закричали галки, застрекотали сороки, разорались так, будто сорочий бог объявил им немедленный конец света. Комьями падал с ветвей сбитый птицами тяжёлый снег.

– Не к добру это, – пробормотал Ездра. – Слышь, Мол-

чун, твари божьи на людей гомонят. Я так располагаю, беляки нам в тыл, это, решили зайти. Давай-ка ты со своей базой повертайся в ту сторону. И ты, Дылда, слышь, и ты тоже Тошнот. Слюнтяй, давай с ними. Чомба, возьми Антиподову снайперку и – туда же.

– Ты, Ездра, в будённые что ли записался? – сварливо окрысился Дылда. – В чапай?

– Куда я записался – не твоего ума дело, – спокойно отозвался Ездра. – Тебя туда и посмертно не запишут, так что делай, что тебе велено, Дылдушка, или вали из окопа – и без тебя преодолеем.

Дылда скривил презрительно-насмешливую мину, пожевал губами, но дальше дерзить не решился, а послушно повернулся и шагнул к другой стороне окопа, уставился на осиную заросль и даже руку козырьком поднёс ко лбу, шутовски изображая Илью Муромца.

И тут из осин явился – внезапно как-то, словно рос там, рос и вот, наконец, вырос – конь непонятной белесой масти, на котором подбоченясь сидел всадник в драной фуфайке и битом молью малахае с торчащими в стороны ушами.

– Это чего за конь, ...? – изрёк Тошнот.

– Конь *блед*, – поправил Ездра.

Не сразу, но рассмотрели, что всадником был санаторский дурачок Чиполлино. В руках он держал горн и, кажется, пытался выдуть из него то ли резвую пионерскую «Зорьку», то ли скорбный «De profundis».

– Он за нас или за них? – раздумчиво бросил Чомба.

– Он за мир во всём мире, – ухмыльнулся Тошнот.

– Первый Ангел вострубил, – нараспев произнёс Иона, – и сделались град и огонь, смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть деревьев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

– Ишь ты! – поджал губы Дылда. – А может, этот – не первый?

– С остальными всё – ещё хуже, – покачал головой Ездра.

– Так чего, шамальнуть что ли? – спросил Чомба, припадая к прицелу и разглядывая в него всадника.

– Нет! – подпрыгнул Ездра. – В ангелов не стреляют.

– Ещё как стреляют, – усмехнулся Дылда. – Ангелов-то и ставят к стенке в первую очередь.

– Вспомнил! – сумрачно улыбнулся Иона. – Вспомнил же... И ангел в белом, на взлёте снятый, роняя перья (иль ключья ваты?), рванётся криком по-над обрывом и рухнет в бездну комком бескрылым...

– Это ты к чему? – уставился на него Ездра.

Иона лишь пожал плечами. Откуда он знает, к чему это, зачем и почему. Почему именно так, а не иначе.

– Ангел в белом и с ватой в руках – это про них, что ли? – кивнул Дылда в сторону противника в белых халатах.

– Нет, ключья ваты – из моей фуфайки, – возразил Молчун.

– На ангела ты не тянешь, Молчун, – усмехнулся Дылда.

– Так ангел же – Чиполлино, – напомнил Тошнот.

– Запутали всё, – покачал головой Ездра. – Всё запутали и перепутали, глупни.

– Антипода убили, – слезливо пробубнил Слюнтяй, ещё десять минут тому назад смеявшийся над этой смертью. – А он мне семь сигарет должен был.

Снова донеслись неумелые сильные звуки горна, в который, краснея от натуги, вдувал свою многострадальную душеньку Чиполлино. Коняга под ним тряско рысил в сторону вражеских окопов, прямо через линию фронта.

– Покайтесь! – крикнул он. – Во имя всех святых и грешных – покайтесь! И да будет праведникам жизнь собачья, а собакам – собачья смерть!

– Убьют дурака, – покривился Молчун.

Все притихли, ожидая, что вот сейчас гавкнет с той стороны «калаш» и повалится Чиполлино со своего буцефала в хлябкую грязь. Но та сторона молчала, словно понимая и разделяя с отдыхающими величие момента.

– Сейчас шарахнут, – произнёс Дылда, когда Чиполлино снова поднёс к губам мундштук горна и выдул хриплую зябкую ноту, будто призывая ту сторону и вправду «шарахнуть». Нота упала на землю и замерла мёртвой птицей с торчащим – в одну восьмую – хвостом.

Но та сторона и в этот раз промолчала.

– Ядрёно полено, – отчётливо проговорил Чиполлино, в наступившей громкой тишине достигая голосом в обе стороны от линии фронта, – труба не играет ни в какую. Хоть

плачь.

И он действительно заплакал со всей возможной горечью, и голова его затряслась, так что уши малахая затрепетали. И были они как чудаковатые бессильные крылья этого неприкаянного ангела, давно разучившегося летать и забывшего, что такое седьмое небо. А может, он и не помнил, и не знал никогда.

Из-за бруствера на той стороне высунулась голова завхоза. Он что-то кричал, сложив руки у рта рупором и делал непонятную отмашку в сторону ангела. Видать, на той стороне тоже полагали и ждали, что в Чиполлино шмальнут с этой. Но вообще-то довольно глупо было бы так думать. Тем не менее, завхоз, презрев безопасность, высунулся уже по грудь и всё кричал что-то.

С нашей стороны грохнул выстрел. Фонтанчик грязи брызнул у самого плеча завхоза. Тот сердито показал отдыхающим кулак и скрылся в окопе.

– Плохо бьёт, шпала, – сердито покачал головой Андроид, дёргая затвор карабина образца бог весть какого года.

– Это глаз у тебя плохо бьёт, – усмехнулся Дылда.

Глаз у Андроида был один. Второй был когда-то выбит в пьяной студенческой драке собратом по филфаку. Закоренелый очкарик Андроид тогда преломил очки свои, снял дужку, подточил, подправил, приделал шнурок и получил вполне себе монокль, который и носил с тех пор.

Сейчас Андроид смерил Дылду презрительным взглядом

своего единственного глаза, сплюнул и решил не достаивать эту сухопарую язву ответом. Филологи и доктора наук – они такие. А Дылда – что такое Дылда? Так, быдло бесхозное.

А Чиполлино всё плакал, ничего не замечая и не слыша. Очень уж, видать, обидно ему стало. Конь блед стоял теперь смиренно и, понуро повесив голову, смотрел в грязь, смирившись с отсутствием перспективы, да прядал ушами, прислушиваясь к сорочьему граю.

Антипода уволокли в конец окопа и там присадили на ящик патронов. Да так удачно присадили, что казалось, будто Антипод просто утомился немного, отошёл от позиций в сторонку – покурить в покое. Слюнтяй, вдохновлённый идиллической картиной, даже цибарку недокуренную вложил ему в губы, как символ отпущения всех долгов. Так и сидел Антипод, дымил цибаркой, будто живой, и посматривал на всё своим третьим глазом.

В разрыве ползущих туч вдруг вымелькнуло на мгновение солнце, скользнуло бледно-жёлтым оком по позициям и снова спряталось, не желая видеть всю эту мерзость. Тёмная, как санаторская будущность, туча заботливо укутала в себя зазябшее светило. А может, сожрала, сволочь такая.

А через минуту пошёл дождь, тяжёлый какой-то, смурной, липкий, сеющийся вкривь и вкось, будто спьяну. Он быстро засеял всё вокруг тоскливой безнадёгой, и сразу стало ясно, что война – она, всё-таки, большая гадость, как ни возьми.

Чертыхаясь и ругая дождь, Слюнтяй пытался раскурить

очередную самокрутку, но едва у него появилась надежда на нужный исход этого дела, дождь тут же напощал. Слюняя плюнул в сердцах и спрятал подмокшую козью ножку в карман.

От дамского корпуса донеслось пение. Женская половина отдыхающего общества, будучи не в силах помочь мужикам в окопе, решила хотя бы так – морально – поддержать их. Неуверенно начатая «Лучинушка» оборвалась на полуслове и сменилась гордым «Варягом». И с этого момента песня гремела почти непрерывно – дойдя до конца, она делала полный поворот кругом, возвращалась к началу и снова: наверх вы, товарищи, все по местам!

Минут через десять та сторона попыталась подавить воспрянувшее единство: из громкоговорителя на столбе полилась традиционная Рахманиновская прелюдия номер пять – видимо, любимый опус Самого. Два этих столь разноплановых произведения сливались под косым дождём воедино, являя собою вечное диалектическое единство и борьбу противоположностей.

И тогда белые пошли в атаку. Жажнул со стороны столовки гранатомёт. Брызнули свинцом сразу несколько стволов. Полетели, звеня, стёкла; пули, чмокая и щёлкая, выводя невнятные вензеля, расковыряли салативо-белую штукатурку, затихли в толще, остывая, медленно отходя в сонную вечность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.